

Анна Сорока
Соня Миронова

МОЙ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
СИГНАЛ ТРЕВОГИ

The poster features a romantic couple in a park setting. The man, played by Anna Sorokina, is a police officer in a dark blue uniform with a 'ПОЛИЦИЯ РОССИЯ' patch. The woman, played by Sonya Mironova, is wearing a blue off-the-shoulder dress and has her hand on his chest. In the background, a building with the word 'МУЗЕЙ' is visible. The title 'МОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СИГНАЛ ТРЕВОГИ' is written in large, dark blue letters at the bottom.

Соня Миронова

Мой полицейский. Сигнал тревоги

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Сигнал тревоги / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Меня зовут Татьяна Березина, и я думала, что самая опасная часть моей работы — хрупкие рукописи. Пока ночью в музей не ворвались грабители, охотящиеся за старинным оружием и тайным планом усадьбы. Старший сержант полиции Антон Калинин заслонил меня от пули. Теперь я — главный свидетель, а он берет меня под личную охрану. Чинит замки, восстанавливает веранду и смотрит так, что забываешь обо всех тревогах. Только за налетчиками стоит московский скупщик антиквариата, который не собирается отступать. Антон хочет спрятать меня за надежной дверью. Но я реставратор, а не беспомощная пленница: мой музей я врагам не отдам. И мужчину, рядом с которым впервые чувствую себя дома, — тоже. Нам придется научиться доверять друг другу прежде, чем враги ударят снова.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Сорока

Мой полицейский. Сигнал тревоги

Мой полицейский. Сигнал тревоги

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Старинные напольные часы в углу архивного зала гулко отсчитали без четверти полночь. Каждый удар бронзового маятника отзывался в моих висках сухой, монотонной болью. В подвальных сводах усадьбы купца Полежаева стояла осязаемая тишина музейной ночи: шорох остывающих чугунных батарей, запах вековой книжной пыли, сушеной лаванды и льняной олифы, которой я пропитывала ветхие переплеты.

На моем массивном дубовом столе горела лишь настольная лампа под зеленым стеклянным колпаком. Ее круг изумрудного света выхватывал из полумрака пожелтевшую тетрадь в сафьяне — рукописную опись полежаевского серебра и наградного оружия времен Отечественной войны 1812 года. Спина затекла, пальцы онемели от холода каменных плит пола, а телефон в углу конторки мигнул алым: три процента заряда.

Я потянулась к чашке с давно остывшим чаем, когда тишину разорвал звон. Резкий треск разбитого венецианского витража в коридоре второго этажа, а следом — глухой, тяжелый стук упавшего на паркет железа.

Внутри все оборвалось и сжалось в ледяной комок. Я замерла, боясь сделать даже вдох. «Сквозняк? Ветка старого вяза за окном?..» Но по анфиладе залов донеслись шаги — тяжелые, торопливые, чужие. Не дед Степан — Степан Ильич Морозов: наш смотритель шаркал войлочными чунями и всегда побрякивал на пороге. Это были двое. Они не прятались, они шли уверенно.

— Быстрее шевели копытами, Зуй! — донесся хриплый шепот из галереи. — Глушилка работает, менты не дернутся. Клинки бери из центральной витрины, а мне нужна синяя папка с чертежами подземелья. Она в подвале у девки.

Грабители. Они шли за коллекцией и чертежами. В сафьяновой описи, которую я держала в руках, хранился сложенный план подземелья; синяя папка на столе была пустой.

Паника ледяной волной обожгла затылок, но рефлексy сработали быстрее страха. Я метнулась к тумблеру лампы и щелкнула выключателем, погружая зал в глухую тьму, едва тронутую мутным лунным квадратом из подвального оконца. Схватив сафьяновую тетрадь, я бросилась к петровскому шкафу у стены: за фальшпанелью задней стенки была щель между деревом и сырой кирпичной кладкой. Дрожащими пальцами я втокнула раритет вглубь, пока ветхий корешок не скрылся в темноте. Оставить его на столе значило отдать чужакам ключ ко всей истории города.

Нужно было бежать в старую котельную и через чугунный люк во двор. Я на цыпочках бросилась к железной двери запасного выхода, нажала ручку... Дверь не шелохнулась. С той стороны в металл ударил лом.

— Не дергай, Штырь, с тыла закрыто намертво, я снаружи штырь забил! — глухо донеслось из-за железа.

Отрезана. Я была заперта в каменном мешке подвала, как загнанный зверек.

Я метнулась к конторке, сорвала черную трубку телефона — в ухо ударила мертвая тишина перекушенного провода. Тонкий шнур сиротливо свисал со стены, срезанный под корень кабелерезом. А тяжелые кованые подошвы уже гулко отсчитывали каменные ступени винтовой лестницы, ведущей прямо в мой подвал. Скрип подошв приближался с каждой секундой.

Единственным укрытием остался дубовый стол-бюро. Я юркнула под широкую столешницу, подогнула колени и вжалась в заднюю стенку за тяжелой зеленой суконной скатертью. В правой руке я до белизны костяшек сжала чугунное пресс-папье с головой льва — единственное оружие, оказавшееся под рукой.

Луч тактического фонаря полоснул по стеллажам ослепительным лезвием.

У двери глухо стукнул брошенный налетчиком металлический кейс.

— Эй, мышь библиотечная, вылезай! — раздался хриплый голос прямо надо мной. — Свет еще теплый на колпаке. Отдай чертежи Полежаева, целее будешь!

Сквозь бахрому я видела армейские берцы в рыжей глине. Налетчик с грохотом скидывал папки с полок, старая бумага трещала под подошвами, отзываясь во мне тупой болью. Берцы остановились в полуметре от меня.

— Ага... Под столом затихарилась, сука!

Грубая рука с хрустом сорвала скатерть. Ослепительный сноп света ударил в глаза. В луче блеснуло жало заточенной монтировки. Из прорезей черной трикотажной балаклавы на меня смотрели налитые кровью безумные глаза.

Страх в долю секунды переплавился в отчаянную ярость загнанного человека. Я не закричала и не закрыла лицо руками.

Рядом стояла секция поворотного дубового стеллажа на тяжелых роликах с чугунными прессами для выпрямления старинных карт. Собрав все силы, я выбросила ноги вперед, со всей яростью ударив подошвами в нижнюю раму.

Двухсоткилограммовая махина с металлическим скрежетом сорвалась с тормоза и пока-тилась прямо на бандита.

Сухой хруст кости и истошный вой боли разорвали подвал: торец стеллажа намертво впечатал голень нападающего в угол конторки. Монтировка со звоном вылетела из его руки на каменные плиты, но бандит оскалился, выбросив свободную руку ко мне:

— Убью, сука!..

Тогда я выхватила из кармана рабочего халата граненый флакон с реставрационным техническим денатуратом, сорвала притертую пробку и со всей силы плеснула едкую жидкость прямо в прорези его маски.

Бандит взвыл по-звериному, хватаясь за лицо. Зажмурился, ослепленный болью, судорожно сорвал балаклаву, кашляя и захлебываясь слезами. В луче упавшего на пол фонаря я отчетливо узнала его: худое лицо с кривым перебитым носом, а на тыльной стороне ладони — синяя наколка паутины с пауком на запястье. Зуй — Константин Петрович Зуев, местный вор и скупщик цветмета, которого знала вся заречная сторона Вереи.

Ослепленный, он шарил руками по полу, пока не вцепился мертвой хваткой в подол моего платья:

— Никуда ты не уйдешь, тварь!..

И в этот миг за нашими спинами с пушечным грохотом вылетела оконная кованая решетка подвального приямка. В темный архив вместе с кирпичной пылью и ледяным ветром ворвалась буря.

* * *

— Полиция! Оружие на пол, стреляю на поражение!

Голос не просто звучал — он вибрировал в каменных сводах тяжелым раскатом грома, от которого перехватило дыхание. Армейский ботинок выбил остатки оконного переплета, и в архив единым слитным движением метнулась огромная широкоплечая фигура в темно-синей форме и бронежилете. Жетон на груди и вороненый срез автомата.

Старший сержант Антон Калинин.

Командир группы быстрого реагирования, гроза заречной шпаны. Сейчас, в клубах пыли и резких тенях фонарей, он казался ожившим былинным воином, стихийной несокрушимой силой.

Антон даже не стал стрелять. В один прыжок он перемахнул через опрокинутый ящик с картотекой и обрушился на Зуя. Его рука в тактической перчатке перехватила запястье бандита, держащее ткань моей одежды, и с коротким сухим хрустом вывернула сустав наружу.

Зуй взвизгнул, разжимая пальцы, и Калинин жестким профессиональным приемом загнал его коленом в гранитные плиты пола, припечатав к ножке стола. Щелкнули стальные браслеты наручников:

— Лежать, мразь. Шевельнешься — кадык вырву.

В дверном проеме верхнего коридора вырос второй налетчик — высокий Штырь, опасный рецидивист Виктор Николаевич Саблин. В руке блеснул пистолет.

— Калинин, сука! — взвизгнул он, вскидывая ствол.

Грохнул выстрел. Пуля с визгом выбила фонтан кирпичной крошки прямо над моей головой. Я зажмурилась, готовая к смерти, но вместо удара меня накрыло чем-то огромным, нерушимым и горячим.

Антон. Он не пригнулся. Мощным броском собственного тела он перекрыл линию огня, заслонив меня широкой спиной в форменном суконном кителе. Я оказалась прижата к полу под тяжестью его плеча, чувствуя стальные бугры мышц. От него пахло морозным ветром, оружейным маслом, порохом и чистым мужским потом. Весь ужас мгновенно сторел: я была за живой каменной стеной.

Второй выстрел глухо ударил в дубовую тумбу стола в сантиметре от его бедра. Сзади в окно уже влетал напарник Антона, сержант Михаил Александрович Дронов — Миша Дронов:

— «Сокол», держи угол! Прикрою!

Штырь понял, что секунды сочтены, и бросился вверх к выходу.

— Дронов, на перехват к воротам! — рявкнул Антон. — По колесам бей, в залах картины, спалим все! Живо!

Миша сорвался в коридор. Через несколько секунд донеслись звуки яростной драки, металлический звон выроненного футляра с орденами и визг покрышек: черная «девятка» без номеров взревела форсированным мотором и унеслась в темноту майской ночи.

В подвале снова стало тихо. Антон медленно поднялся, поправил автомат и протянул мне широкую руку:

— Живая, Танечка? Не задело?

Я подняла глаза — и дыхание перехватило. На темно-синем сукне его кителя, прямо у расстегнутого ворота, расплывалось темное влажное пятно. Кровь!

— Антон!.. Господи, кровь!.. Ты ранен! — в панике закричала я, вскакивая на колени и пытаясь дрожащими пальцами зажать пятно на его груди. Слезы застилали глаза: — Миша, скорую зови!..

Его широкие ладони мягко, но властно перехватили мои запястья — горячие, сухие и надежные.

— Тише, Таня. Посмотри на меня. Дыши.

В уголках его губ играла едва заметная теплая усмешка.

— Это не моя кровь, глупая. Зуй руку о стекло вспорол, когда лез. Степан Ильич успел вызвать наряд, пока эти твари возились наверху, — вот мы и поспели. На мне броник шестого класса. Цел я, видишь? Ни царапины.

Слезы хлынули с новой силой, но уже от слепящего облегчения. Стыд смешался с таким всепоглощающим чувством покоя, что колени подогнулись. Антон легко подхватил меня под локти и поднял на ноги. Меня колотила мелкая, неудержимая дрожь — запоздалый шок.

Заметив это, Антон снял бронежилет, расстегнул пуговицы своего служебного кителя и набросил мне его на спину. Затем снова затянул ремни бронежилета поверх форменной рубашки.

Тяжелое темно-синее сукно опустилось на меня, горячее от тепла его могучего тела, пахнущее порохом и абсолютным покоем. Рукава закрыли пальцы, полы достали до колен, но едва жар ткани окутал шею, дрожь начала отступать.

Прежде чем уйти, я вытащила из-за шкафа спрятанную опись. Дронов принес пустой латунный тубус из моей конторки, и я бережно уложила в него вложенный в тетрадь план. Саму опись мы оставили прибывшему наряду вместе с остальными спасенными документами. Дронов открыл брошенный Зуем кейс: внутри лежали два палаша. Их тоже забрали на осмотр.

— Пойдем, — Антон бережно взял меня под руку. — Дронов наряд примет, а нам в отдел пора. Показания снимем, чаем напою. Больше тебя никто не тронет. Пока сержант Калинин рядом — никто.

Глава 2

Крыльцо районного отделения полиции на Соборной площади гудело от сирен. Синие проблесковые маячки резали вековые липы площади тревожными всполохами. В коридорах пахло казенным сургучом, табаком и сыростью.

Я шла за Антоном, кутаясь в его огромный китель. В «обезьяннике» сидел Зуй с забинтованной рукой и злобно сверкал глазами, а вокруг суетились дежурные офицеры.

Лейтенант Алексей Степанов у стойки КПП равнодушно скользнул по мне взглядом:

— Калинин, свидетельницу на общую скамейку сажай, в коридоре посидит. Следователь Рогов из СК приехал, злой как черт, сейчас вызовет.

Я сжалась, глядя на заплеванный пол и скамейку с пьяными. Но Антон решительно отстранил лейтенанта плечом:

— В коридоре сам сидеть будешь, Степанов. Березина идет ко мне.

Он завел меня в свой кабинет и притворил дверь, отсекая казенный шум. Здесь пахло полированным деревом, кожей портупей и мятой на подоконнике. Антон усадил меня в глубокое мягкое кресло:

— Садись, Таня. Ноги подбери, не стесняйся.

На плитке закипел чайник. Антон достал большую жестяную кружку с выдавленной звездой, насыпал щедрую горсть чая и три куска сахара. Опустившись перед моим креслом прямо на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, он протянул мне горячую жезть, накрыв мои пальцы своими широкими ладонями и согревая дыханием:

— Пей, Танечка. Сладкий, крепкий. Шок снимет. Ты молодец. Если б не твой денатурат, Зуй бы с чертежами ушел. Ты спасла музей.

Я сделала обжигающий глоток, чувствуя, как тепло разливается по венам:

— Он искал опись Полежаевых, Антон. Они точно знали, за чем шли.

Дверь распахнулась с грохотом. На пороге стоял следователь СК Игорь Владимирович Рогов — сухопарый столичный щеголь в сером костюме с кожаной папкой:

— Калинин, что за самоуправство?! Гражданка Березина, что вы делали в архиве в полночь? Ночные работы не согласованы. Вы содействовали проникновению? Сдать ключи от хранилища на стол!

Обида обожгла меня, руки задрожали. Но договорить он не успел.

Антон медленно поднялся во весь двухметровый рост. Его широкие плечи закрыли свет потолочной лампы, а лицо закаменело. Он сделал шаг к следователю, нависнув над ним:

— Тон смени, Рогов. И пасть прикрой.

Следователь поперхнулся воздухом и отступил к шкафу:

— Калинин, субординацию помни! Я старший следователь СК!

— А мне плевать, — отрезал Антон глухим, вибрирующим басом. — Татьяна голыми руками скрутила налетчика и спасла раритеты на миллионы. Она удар на себя приняла. Протокол веду я по приказу Воронова. Ты здесь в гостях. Сядь в угол и молчи, пока старшие говорят.

Рогов побелел, но спорить не посмел — сел на стул у двери, открыв блокнот.

Я смотрела на широкую спину Антона, закрывавшую меня от чиновничьего хамства, и внутри меня крепло новое чувство: я больше не одна. За меня есть кому встать.

Я положила на стол принесенный из музея латунный тубус:

— Это подлинный план катакомб купца Полежаева 1812 года. Они шли за ним.

Рогов дернулся:

— Вещдок! В дело!

— Руки убрал, — оборвал Антон. Он взял тубус, разогрел сургуч и опечатал крышку личной печатью: — Документ ветхий, на свету рассыплется. Опечатаваю лично. Храниться будет в оружейном сейфе дежурки.

Он запер реликвию в стальной шкаф. В этот момент в дверь заглянул столичный адвокат Мартынов, требуя освободить Зуя из-за «нарушений при задержании». Антон молча указал на опечатанную монтировку и запись задержания с нагрудного регистратора:

— Вооруженный разбой, стрельба по людям. Ходатайство об аресте уже готовят. Защищать его — твоя работа. Давить на свидетеля в моем кабинете я не позволю.

Адвокат испарился за секунду.

Вошел начальник отделения майор Павел Сергеевич Воронов. Окинув взглядом меня в кителе Антона и самого сержанта, он вздохнул:

— Зуй назвал заказчика — некий Граф из Москвы, скупщик антиквариата Евгений Романович Градов. В городе действует их вторая группа. Березину одну отпускать нельзя, она главный свидетель.

Антон вытянулся по стойке смирно:

— Товарищ майор, дом у Татьяны на отшибе, у оврага. Периметр дырявый. Я беру ее под личную круглосуточную охрану. Домой доставлю сам, после смены беру кураторство объекта.

Воронов понимающе кивнул:

— Добро, сержанта. Отвечаешь головой. УАЗ бери, Дронов с тобой. Действуйте.

* * *

В 03:20 ночи мы вышли на высокое крыльцо. Над Вереей сгустился сырой, промозглый майский туман. Воздух пах речной сыростью, почками тополей и надвигающимся дождем.

Дронов уже сидел за рулем; баул для вещдоков лежал у него под ногами. Антон открывал для меня пассажирскую дверь УАЗа, когда зазвонил его служебный телефон. В динамике раздался взволнованный голос смотрителя деда Степана:

— Антоха, сынок, не спишь?! Беда! Я у старых мостков за оврагом. Тут катер без огней причаливал минут десять назад, мотор урчал глухо! Двое в черном тюк в лодочный сарай уволокли и вниз по реке ушли! Проверь, сынок, беспокойно мне!..

Калинин нахмурился, желваки на скулах заходили ходуном.

— Степан Ильич, отойдите от мостков и дождитесь нас у дороги! Мы рядом, сейчас будем.

Антон сообщил дежурному о новом следе.

Он повернулся ко мне:

— Таня, придется сделать крюк. В машине посидишь, пока я мостки гляну.

— Нет, Антон, — я решительно перебила его, запахивая полы его кителя. — Ни в какой машине я сидеть не буду. Это берег за моим огородом. Я там каждое бревно знаю, каждую лазейку. Я иду с тобой.

Он взглянул на меня с секундным сомнением, но, заметив упрямый блеск в глазах, усмехнулся:

— Характер... Ладно. След в след за мной, от меня ни на шаг.

УАЗ замер в ракушке у заброшенной купеческой пристани. Дронов остался у машины прикрывать подход. Туман здесь был настолько плотным, что свет фар вязнул в молочной пелене в трех метрах от капота. Спуск по глинистой круче к воде после дождя превратился в испытание. Земля скользила под подошвами, камешки с шелестом осыпались в невидимую черную воду. Я старалась ступать точно в следы берцов Антона, но на повороте тропы коварный пласт влажной глины сорвался под каблучком.

Я вскрикнула, теряя равновесие: нога соскользнула с мокрого глинистого карниза узкой тропы, увлекая меня вниз по крутому сырому откосу к реке.

В темноте молниеносно сработала его реакция. Антон развернулся мгновенно, не раздумывая ни доли секунды. Его мощная рука на лету железной хваткой перехватила мое запястье, а вторая широкая ладонь обхватила за талию, удержав от падения с откоса и единым слитным рывком прижав меня к своей широкой груди на безопасном каменистом уступе.

Мое лицо оказалось в сантиметре от его щеки. Я чувствовала обжигающий жар его дыхания, слышала бешеный, ровный, глухой стук его богатырского сердца под бронежилетом и видела в серых глазах первобытную силу защиты.

— Держу, — глухо выдохнул он мне прямо в губы. — Держу тебя, Танечка. Не бойся.

Секунда растянулась в вечность. Время остановилось посреди речного тумана. По телу пробежала сладкая, обжигающая волна тепла, смывая холод и страх. Я прижалась щекой к его плечу, не спеша размыкать рук:

— Спасибо, Антон...

Он бережно поставил меня на ноги, но руку с моей талии убрал не сразу.

— Осторожнее, егоза. Вот и сарай.

Дверь старого дощатого лодочного гаража скрипела на ветру. Из темного нутра доносилось монотонное металлическое тиканье. Антон проверил косяк ножом — растяжек не было. Мы вошли внутрь. Запах прелой тины, сырого дерева и машинного масла ударил в нос.

Под сгнившими половицами пола слабо мигал зеленый диод. Антон опустился на колени, уперся ладонями в тяжелую сосновую плаху, скованную ржавыми железными скобами, и с глухим рычанием напряг мышцы спины. Вековое дерево с треском лопнуло под его пальцами. Сержант достал тяжелый армейский баул.

Внутри лежала мощная станция радиоподавления китайского военного производства — та самая глушилка, что вырубил музейную сигнализацию. А под ней — свернутые в рулон чертежи.

Я развернула отсыревшие листы реставрационным пинцетом:

— Это поэтажный план усадьбы и схемы пожарных гидрантов из городского БТИ! Смотри, Антон: здесь рукой Зуя помечены точки входа в подземелье. Кто-то в нашей городской администрации продал им копию архива!

— Значит, наводчик сидит наверху, — жестко подытожил Антон, аккуратно укладывая находки обратно в баул. — Это крупная улика, Таня. Теперь у нас есть доказательство, что банда действовала по наводке.

В дверях сарая показался дед Степан с тяжелой суковатой тростью:

— Антоха! Живые?! Нашли чего?

Антон поднялся, крепко пожал сухую руку старика:

— Нашли глушилку и планы, Степан Ильич. Спасибо за сигнал. А теперь домой, на печку греться. Мы с Татьяной периметр закрываем.

Старик с теплой улыбкой поглядел на нас — на Антона, державшего тяжелый баул, и на меня в его кителе — и перекрестил щепотью:

— Ну и слава Богу... Правильный ты мужик, Антоша. Береги Танюшку. Она у нас одна такая на всю Верею — светлая душа.

Глава 3

В половине пятого утра УАЗ, натужно ревя раздаткой на пониженной передаче, выкарабкался по раскисшей глинистой колее к моему дому на краю оврага.

Здесь, на самом отшибе улицы, стояла моя бревенчатая пятистенка из потемневшей лиственницы. Вокруг шумел густой яблоневый сад, ветви которого покрывались белыми бутонами, а за забором шумела Протва. В предрассветных серых сумерках дом казался сиротливым и незащищенным. Антон заглушил мотор и обошел усадьбу с фонарем:

— Забор на ладан дышит. Кусты сирени окна закрывают — в двух шагах чужого не разглядишь.

Он подошел ко мне, взял под руку и повел к крыльцу.

Я ступила на первую сосновую ступеньку — и в этот момент старая подгнившая доска с треском лопнула подо мной. Нога провалилась в пустоту полуметрового подклета.

Я вскрикнула, но упасть не успела. Антон среагировал мгновенно: подхватив меня под мышки, он легко выдернул меня из пролома, поднял на руки и перенес через прогнивший пролет прямо на площадку перед входной дверью.

Я замерла на его руках, ощущая силу и жар его крепких предплечий. Антон не спешил опускать меня на пол. Он стоял на пороге, глядя мне в глаза с мягким укоризненным теплом:

— Как ты тут одна жила, горе мое луковое? Ступеньки гнилые, забора нет... А если б ногу сломала?

— Я привыкла... некогда было чинить, — смущенно прошептала я, чувствуя, как краска заливает щеки от такой близости.

— Утром переберу все крыльцо на лиственницу, — по-хозяйски отрезал он, поставив меня на порог.

Фонарь осветил входную дверь — старую деревянную филенку и ржавый накладной замок чебоксарского завода. Антон достал перочинный нож, вставил кончик между полотном и косяком и с легким щелчком отжал ригель за три секунды. Дверь послушно распахнулась в темные сени.

— Видишь? Обычной отверткой вскрывается. Графские орлы сюда без лома войдут, ногой пнут — и петли вылетят.

Холодный ужас пробежал по коже: годами я спала за этой хлипкой дверью, наивно веря в безопасность.

Антон зашел в сени, включил свет. Дом за ночь остыл, печь была холодной. Сержант обошел все три комнаты, заглянул за занавески, проверил чугунные шпингалеты на окнах — чисто. Затем вернулся к двери и внимательно осмотрел дубовую притолоку у входа:

— Ого. А вот это дело.

Там, в самом углу массивного бревна, висел старинный кованый крюк дедовской работы толщиной в палец. Скоба в косяке сидела крепко, но чуть расшаталась. Антон достал из угла мой старый плотницкий топор и обухом с трех сокрушительных ударов намертво вогнал скобу в венец по самую шляпку. Захлопнул дверь и накинул крюк в проушину — дверь встала монолитом, не шелохнувшись от сильного толчка.

— Слушай меня, Таня, — Антон повернулся ко мне, лицо его было строгим и собранным. — Закрывайся на этот крюк изнутри. К окнам не подходи, свет не зажигай, шторы задерни. Постучат — не отвечай, даже если назовут мое имя.

— Поняла, — тихо ответила я, сжимая в пальцах лацканы его кителя, который так и не сняла.

— У меня свой стук, — Антон взял мою ладонь и трижды коротко, затем дважды протяжно сжал мои пальцы в своем кулаке: — Запомнила ритм? Три коротких, два длинных. Только на этот стук откроешь.

— Три коротких, два длинных, — повторила я, глядя в его потемневшие глаза.

Антон помолчал мгновение, не отпуская моей руки. Его большой палец медленно, с невыразимой нежностью провел по моей щеке, стирая высохшую слезинку:

— В девять утра я сменяюсь с дежурства. Приеду на «Ниве» с инструментом. Привезу хороший сувальдный замок со стальным уголком, врежу в дуб, крыльцо почию. Жди меня, Танечка. Слышишь? Жди.

— Я буду ждать, Антон, — выдохнула я из самой глубины сердца.

Перед отъездом Антон указал на силуэт патрульного за калиткой:

— До моей смены наряд останется у дома. Дежурный знает, что ты здесь.

Он улыбнулся — открыто, светло, шагнул за порог и притворил дверь. Я тут же накинула тяжелый кованый крюк на скобу. Раздался глухой, спасительный металлический щелчок.

Сквозь щель в дверном полотне я услышала, как заурчал мотор служебного УАЗа, как прошуршали шины по мокрой траве и звук машины растаял в тумане просыпающейся Вереи.

Я прислонилась спиной к закрытой двери, прижимая к груди полы огромного сержантского кителя. Он хранил тепло его широких плеч, запах пороха и морозного ветра. И впервые за долгие, одинокие годы в моем старом доме на краю оврага мне не было страшно. Я знала: в девять утра в эту дверь постучат.

Три коротких. Два длинных.

* * *

Утреннее солнце пробивалось сквозь ситцевые занавески, заливая кухню ровным золотистым светом. Я сидела у остывшей печи с чашкой травяного отвара, вздрагивая от каждого шороха в яблоневом саду. Бессонная ночь вцепилась в виски тупой тяжестью: стоило закрыть глаза, как передо мной вспыхивало звериное лицо Зуя и блеск монтировки. Но на моих плечах все еще лежал тяжелый темно-синий китель Антона. Его плотное форменное сукно хранило запах морозного ветра, пороха и мужского спокойствия, не позволяя панике вернуться.

Настенные ходики с кукушкой щелкнули, отсчитав ровно девять утра.

И в ту же секунду в калитку мерно и четко постучали. Сердце екнуло и замерло, отсчитывая ритм.

Три коротких. Два длинных.

Он приехал. Минута в минуту, как обещал.

Я торопливо оправила домашний ситцевый сарафан, пригладила распустившиеся по плечам каштановые волосы и побежала в сени. Сняла тяжелый кованый крюк — металл глухо звякнул, отпуская дубовую створку.

На пороге стоял старший сержант Антон Калинин. Он был без форменного кителя, в простой темно-синей футболке, обтягивавшей литые бугры плеч, и армейских брюках, заправленных в начищенные берцы. Под глазами залегли легкие тени бессонной смены, но серые глаза смотрели ясно, тепло и цепко. Рядом на траве урчала его темно-зеленая «Нива», из распахнутого багажника которой пахло свежераспиленной сосной и машинным маслом.

— Смену сдал, — улыбнулся он уголком рта, окинув меня внимательным взглядом. — Чай пила, хозяйка? Не обижал никто?

— Никто, Антон... — выдохнула я, чувствуя, как краска заливает щеки. Я вдруг остро осознала свой домашний вид: босые ноги в плетеных тапочках, сарафан, распущенные волосы. Но в его взгляде не было наглости — лишь спокойное мужское любованье и хозяйская забота.

— Ну и слава Богу. Принимай работу.

Антон легко взвалил на плечо полутораметровую пачку тяжелого дубового бруса, перевязанную пеньковым шпагатом, и шагнул на крыльцо.

Под его стокилограммовым весом старая прогнувшая тетива крыльца жалобно хрустнула и резко просела. Лестничный марш накренился, грозя рухнуть в подклет вместе с человеком и грузом. Я ахнула, всплеснув руками, но Антон даже не качнулся. Пружинисто оттолкнувшись от целой ступени, он единым плавным движением сбросил брус на мягкую траву двора, перехватил край косоура рукой и подставил под накренившуюся балку березовый обрезок, выравнивая пролет.

— Гнилушка, — хладнокровно констатировал он, отерев ладонью лоб. — Еще пару дней — и сама бы шею свернула. С крыльца и начнем.

— Антон, ты же с дежурства, сутки на ногах, — робко попыталась возразить я. — Пойдем в дом, я тебе постелю в горнице. Поспишь часа четыре, потом начнешь...

Калинин посмотрел на меня с мягким, но непреклонным укором:

— Сначала безопасность, Танечка. В городе беспокойно, сообщники Зуя рыщут. Дом должен держать оборону, как ДОТ. А посплю я потом.

Он сгрузил с багажника тяжелый стальной ящик с инструментами, электрорубанок, дрель и два длинных стальных уголка пятидесятки.

— Неси гвоздодер, если есть. Старую коробку долой.

Демонтаж пошел со сноровкой кадрового плотника. Старая коробка держалась на ржавых кованых гвоздях пятидесятих годов, намертво засевших в лиственнице. Когда Антон взялся за монтажку, мышцы на его спине и руках вздулись тугими канатами, вены на предплечьях налились силой. С глухим треском и скрипом крепеж поддался, обнажая потемневший за полвека сруб.

Но едва старое полотно отвалилось, Антон нахмурился, посветив фонариком в открывшийся проем.

Нижний венец под порогом почти в труху источили весенние дожди. Ставить новую стальную коробку на такую труху было бессмысленно — первый же удар ногой вынес бы дверь вместе с куском стены.

— Придется усиливать, — Антон зачистил труху топором до звонкого, живого дерева. — Поставим сварной стальной уголок пятидесятку по всему периметру, свяжем анкерами сквозь бревна. Получится бронированная рама. Танком не выбьешь.

Я бросилась к порогу, пытаюсь придержать тяжелый трехметровый уголок, пока Антон размечал керном отверстия:

— Давай помогу!

— Осторожно! — рявкнул он.

Тяжелая железная полоса выскользнула из паза и накренилась прямо на стеклянную раму веранды. Я замерла, но Антон среагировал мгновенно: шагнув вперед, он подставил под летящее железо собственное широкое плечо, намертво прижав балку к косяку и закрыв меня своим корпусом. Удар пришелся по мышце, но сержант даже не поморщился.

— Спокойно, держу, — глухо выдохнул он мне в волосы. — Твои руки для старинных книг и чертежей, Таня. Железо оставь мужику.

Я стояла, прижатая к его груди, чувствуя жар его тела и запах сосновой стружки. Сердце колотилось как сумасшедшее.

— Антон... Я заплачу за все материалы, — тихо сказала я, достав из кармана заветный кошелек с отложенными сбережениями. — Тут уголок, брус, замок... я не могу за твой счет.

Антон медленно опустил балку, повернулся ко мне и широкой, загрубелой ладонью мягко, но властно отвел мой кошелек в сторону. Его брови сошлись к переносице:

— Обидеть меня хочешь, Березина? Я за безопасность своей женщины денег не беру. Спрячь и не позорь меня.

Слово «своей» обожгло слух сладостным жаром. Я опустила глаза:

— Тогда... хоть обедом накормить разреши?

— А вот от горячего обеда сержант полиции не откажется, — рассмеялся он, и морщинки у его глаз разгладились. — Вари щи, хозяйка. А я займусь железом.

Глава 4

К полудню майское солнце припекло по-настоящему. Воздух над оврагом звенел от тепла, пахло прелой травой, смородиновым листом и сладкой яблоневой пылью.

Мой двор наполнился звуками настоящей мужской работы: пел электрорубанок, осыпая траву золотистыми шелковистыми кудрями сосновой стружки, сухо тюкала стамеска, взвизгивала дрель. Антон строгал новую массивную дубовую дверь. Пот заливал ему глаза, хлопковая футболка промокла насквозь.

— Фух, жарит... — выдохнул он, выключил рубанок и одним движением стянул футболку через голову, оставшись в открытой серой майке.

Я замерла на крыльце с кувшином холодного брусничного морса, не в силах отвести взгляд. Его плечи были широкими, литыми, кожа на солнце отливала бронзой. Но между лопаткой и шеей белел неровный рваный шрам длиной в ладонь — след старого осколочного ранения.

Заметив мой взгляд, Антон коснулся рубца пальцем:

— Под Шатоем во время службы зацепило. Минометный обстрел. Ничего, кость целая, только к непогоде ноет.

— Больно было? — тихо спросила я, подходя ближе и протягивая запотевшую кружку.

— В бою боли не чувствуешь, Таня, — он с наслаждением осушил кружку залпом, шумно выдохнул и улыбнулся. — Спасибо за морс. Сказка, а не морс. Смотри, какой замок привез.

На верстаке лежал массивный сувальдный замок челябинского военного завода в тяжелом стальном корпусе с воронеными ригелями толщиной в палец и бронепластиной из марганцевой стали.

— Пять сувальд, защита от отмычек и высверливания, — с гордостью пояснил он. — Но главное не это.

Антон принялся выбирать паз в дубовом торце перьевым сверлом. Инструмент шел туго: вековой мореный дуб звенел под резцом, как чугун. Внезапно сверло с визгом уперлось во что-то непреодолимое и встало.

— Кованая скоба внутри массива, — определил Антон, посветив в паз.

Он не стал давить силой. Достал узкую стамеску из инструментальной стали и деревянную киянку. Выверенными, аккуратными ударами, с терпением опытного реставратора, он выбрал древесину вокруг старой скобы и извлек ее, не расколов волокон. Корпус замка вошел в гнездо с плотным, бархатным хлопком — заподлицо.

Штатные саморезы Антон сразу отложил в сторону:

— Это для фанеры. Мы насквозь посадим.

Длинным сверлом он прошил дубовую дверь насквозь и стянул броненакладки калеными сквозными болтами с потайными шляпками. Бархатным напильником и графитовой смазкой довел ход ригелей до легкого, оружейного щелчка.

Дверь уже держалась на петлях, но окончательную подгонку Антон отложил.

— А теперь иди сюда, Танечка. Главный урок.

Я подошла, встав в полутемных сенях перед новой дверью. Антон вложил мне в ладонь тяжелый латунный ключ с длинным сложным стержнем:

— Закрой замок изнутри на два оборота.

Я вставила ключ в замочную скважину, повернула раз... На втором обороте механизм внезапно издал резкий металлический щелчок и намертво заклинил. Ключ не шел ни вперед, ни назад.

Мое сердце сжалось от паники:

— Антон... Заело! Перекосило коробку, да? Мы останемся без замка на ночь?!

— Тише, глупая, — раздался его низкий, спокойный голос прямо над моим ухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.